

ТРУДЫ

РЯЗАНСКОГО
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Труды Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника

Сборник научных статей
Выпуск 2

РЯЗАНСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Рязань
2004

ББК 63.3 (2Р - 4Ря) л6
Т78

Т78 **Труды Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.** Сборник научных статей. – Вып. 2. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2004. – 212 с.: ил.

Редакционная коллегия:

Т.В. Ерошина (*ответственный редактор*),
Д.В. Губин, И.Г. Кусова, Л.Д. Максимова, Е.М. Сахарова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.А. Севастьянова
кандидат исторических наук, доцент П.В. Акулышин

В год 120-летнего юбилея федеральное государственное учреждение культуры «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» в статьях научных сотрудников представляет опыт изучения коллекций, сформировавшихся в музее, исследования по истории музеевлогической мысли и музейной деятельности, методологические разработки, основанные на практике комплексного изучения и сохранения памятников истории и культуры и их музеефикации. Многие исследования нацелены на выяснение роли и потенциала музейных предметов и памятников в формировании научной картины региональной истории. Издание предназначено для музейных и архивных работников, исследователей-историков и всех, интересующихся отечественной историей и культурой.

ISBN 5-902096-09-X

© Авторы, 2004

© Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, 2004

Л.Д. Максимова
директор музея-заповедника,
заслуженный работник культуры РФ

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Рязанский кремль – основная территория историко-архитектурного музея-заповедника, включенного в 1995 году в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Кремль – историческое ядро Рязани, играет значительную роль в градостроительной деятельности. Основную ценность музея-заповедника, кроме фондовых коллекций, представляют памятники истории и архитектуры Кремля. В силу объективных причин до недавнего времени он был мало кому известен. В последние годы Кремль, преображенный реставрацией, привлекает все большее внимание как специалистов, так и любителей истории. Те и другие отмечают его уникальную первозданную сохранность и чистоту проведенной реставрации. Весьма показательно, что именно Рязанский кремль стал главной сценической площадкой во время празднования Дней славянской письменности и культуры в 2000 году в Рязани. Праздник в Кремле, самой древней части города, обречен на успех.

Современный кремль – историко-архитектурный ансамбль, сохранивший уникальные памятники XVII-XIX веков. Ярким примером зодчества XVII века являются Успенский собор и комплекс гражданских зданий, не имеющий аналогов в России.

Все памятники Кремля находятся в федеральной собственности. Использование и содержание объектов Кремля необходимо рассмотреть в нескольких аспектах. Прежде всего: часть памятников, в том числе гостиница «знати», передана в пользование Рязанской епархии; Успенский и Христорождественский соборы, Колокольня находятся в совместном использовании музеем-заповедником и епархией, что на-

кладывает определенный отпечаток на содержание их, иногда негативное. Два здания – Богоявленская церковь и Преображенский собор – арендуются сторонними организациями. Кроме того, на территории музея-заповедника расположена ул. Рабочих с индивидуальной застройкой, различной формы собственности на жилые дома и земельные участки. Имеют место серьёзные нарушения содержания зон территории в части несогласованного проведения реконструкции и ремонта жилых домов, прокладки инженерных коммуникаций.

Осложняется работа по содержанию памятников тем, что по территории музея-заповедника проходят коммуникации, проложенные ещё в 50-х годах на ул. Остров, которая находится в охранный зоне Кремля.

Одним из важнейших моментов деятельности музея-заповедника являются работы по восстановлению и реставрации архитектурных памятников, входящих в его комплекс. Процесс реставрации продолжается и в настоящее время. Идут изыскательские и одновременно восстановительные работы в одном из ранних памятников – Христорождественском соборе, который недавно освобожден государственным архивом Рязанской области. Результаты этих работ позволяют уточнить его первоначальный облик и восстановить историю собора, которая изобилует перестройками и расширениями. Разрабатывается проект восстановления крыльца Дворца Олега, по мнению специалистов, не имеющего аналогов в древнерусском зодчестве.

Один из крупных реставрационных проектов музея-заповедника – проект по восстановлению солодовенных палат XVII века, которые были разобраны ввиду ветхости ещё в XVIII веке. Остался от них плохой сохранности фундамент. Разработанный проект восстановления солодежни получил одобрение федерального научно-методического совета Министерства культуры РФ.

С восстановлением солодежни музей получит дополнительные площади под фондохранилище, соответственно оснащенное новейшим специализированным оборудованием. Реставрационные работы идут планомерно, но жизнь вносит свои коррективы. Срочной реставрации потребовал Глебовский мост – самое древнее дорожное сооружение Рязани. Реставрация его заканчивается.

Проведение реставрационных работ в наземных зданиях без учета изменений природных условий в подземных их основаниях – грунтах – оказывается малоэффективным для сохранности памятника. Сле-

дует отметить, что это характерно и для подобного вида работ и во многих исторических городах. В этой связи встал вопрос о комплексном изучении технического состояния памятников архитектуры во взаимодействии с геологическим строением всего кремлевского холма с целью разработки программы охранных мероприятий. Решение этой проблемы потребовало привлечения специалистов разного профиля: архитекторов, строителей, геологов, геофизиков, археологов, историков.

В музее-заповеднике был создан и плодотворно работает научно-методический центр по комплексному изучению исторических территорий, важнейшей разработкой которого является разработка подземной охранной зоны памятников и исторической территории Кремля в целом.

Наш опыт в этом вопросе используют и в других музеях-заповедниках – Ростова Великого, Ярославля, Казани и других городов.

Наши геофизические исследования позволили обозначить контур озера Быстрого, возле которого был основан град Переяславль (Рязань).

Для улучшения состояния кремлевских зданий, сохранения их, планирования реставрационных работ организована и осуществляется система стационарных режимных наблюдений (мониторинг) по заранее разработанной программе. Мониторинг включает наблюдения и сбор информации за деформациями в зданиях, температурно-влажностным режимом в музейных помещениях, уровнем грунтовых вод, гидрологическим режимом реки Трубежа, изменениями дневной поверхности или проявлениями аварий коммуникаций.

Все изменения фиксируются в специальном журнале, фотофиксируются. Материалы, после их анализа, переводятся в базу данных «Природно-техническая система Рязанского кремля», реализуемую на персональном компьютере. Комплексные исследования территории музея-заповедника и памятников дают возможность планировать охранные мероприятия, укрепление фундаментов зданий, реставрационные работы, проведение работ по вертикальной планировке, регулирование устойчивости склонов кремлевского холма и вала.

Изначально, когда создавался музей-заповедник в 1968 году, все памятники Кремля, перешедшие в его оперативное управление, являются объектами музейного показа.

Наиважнейшая проблема использования объектов Кремля – проблема построения экспозиций.

Для музейщиков не новость, что с исчезновением существовавшей идеологии и последовавшие за этим не очень успешные поиски новых идей, на фоне тяжелого финансового положения музеев в 90-х годах, заставили отечественные музеи в течение более чем десяти лет отказываться от строительства новых экспозиций.

В последние годы, вслед за стабилизацией ситуации в целом по стране, улучшением материальной базы музеев, вопрос о новых экспозициях вновь встал на повестку дня. И все же пока редко какой музей решается на эту сверхсложную задачу, ограничиваясь, как правило, выставками.

В нашем музее-заповеднике разработан проект экспозиционной деятельности «Русский мир», который объединяет три основные составляющие музея-заповедника: исторический ландшафт, архитектурные памятники и музейные коллекции. Согласно этой концепции, вся территория музея-заповедника объединяется в единый экспозиционный комплекс, представляющий различные аспекты отечественной истории и культуры в период с древнейших времен до начала XX века.

Первым этапом реализации данного проекта явилось открытие экспозиции «По обычаю дедову». Вторым этапом станет создание экспозиции по истории русского воинства, к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Следующим важным этапом реализации проекта станет строительство большой исторической экспозиции «От Руси к России» во Дворце Олега, в которой одним из основных моментов будет показ развития российской государственности. В самой древней части Дворца Олега разместится экспозиция «Раритеты Рязанского кремля».

Уделяя особое внимание духовно-нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения, музей-заповедник планирует строительство детского досугового центра на территории сада.

Рязанский кремль был и остается крупнейшим туристическим объектом региона. Концепция развития музея включает в себя расширение туристической деятельности в Кремле, что влечет за собой развитие инфраструктуры, дальнейшую музеефикацию территории Кремля, в т. ч. создание рекреационных досуговых зон.

С этой целью музеем-заповедником разработано инвестиционное предложение «Гостевая слобода», предполагающее создание на территории Кремля (район ул. Рабочих) стилизованного средневекового поселения, включающего гостиницы, мастерские ремесленников, торговые лавки и т. д.

Еще одним потенциально крупным туристическим объектом музея-заповедника является городище Старая Рязань – уникальный археологический памятник. Для включения городища в сферу отечественного турбизнеса разработаны инвестиционные проекты «Выставочно-туристический комплекс «Старая Рязань» и «Летний молодежный лагерь «Старая Рязань», позволяющие превратить городище в крупный объект образовательного и досугового туризма.

Музей
и его
коллекции

Д.В. Губин

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ РИАМЗ XV–XVI ВЕКОВ И ВОПРОСЫ РЯЗАНСКОЙ КНИЖНОСТИ

Для выяснения истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XV–XVI веков репрезентативность комплекса древнейших рукописей, хранящихся в Рязанском музее-заповеднике, относительно, поскольку в сохранившихся кодексах практически отсутствуют атрибутирующие записи писцов, немногочисленны ранние записи о бытовании памятников в Рязанском регионе. Однако, на наш взгляд, в этом вопросе весьма важно представление о том, что древние рукописи могли длительное время бытовать на той территории, на которой когда-то были «построены». Поскольку в эпоху средневековья, да и позднее, рукописные книги, представлявшие в первую очередь значительную духовную ценность, обязательно должны были являться объектом постоянного внимания книжников, часть рукописей РИАМЗ, вероятно, имеет отношение к рязанской традиции книжной культуры. Исходя из этого, определим две основные цели, которые преследует настоящая статья. В ней необходимо дать в обзорно-описательном плане анализ главных содержательных и внешних особенностей рукописных кодексов из крупнейшего рязанского собрания. Далее, при явно недостаточном уровне теоретической разработки представления о рязанской книжности в предшествующих исследованиях очень важно попытаться выяснить, в том числе в контексте отдельных аспектов рассматриваемых памятников, наиболее вероятные условия и обстоятельства существования и развития книжной культуры Рязанской земли в XV–XVI веках на общем фоне истории древнерусской книжности.

Для рассматриваемого периода в истории русской книжной культуры было характерно движение и развитие, что в немалой степени связано с эпохой так называемого второго южнославянского влияния в русской культуре. Русские земли явились благодатной почвой для идей, занесенных переселенцами из близких Руси православных Балкан и Византии, где местное население испытало значительное воздействие фактора иной культурной среды, как следствия турецкого завоевания. Кроме того, это было время самоопределения единой русской культуры. Попытаемся проследить влияние новых тенденций в развитии рязанской книжной культуры на основе анализа в первую очередь сохранившихся в современном рязанском хранилище книжных кодексов.

Начать рассуждение о местной книжности последнего периода существования княжества можно со слов Д.И. Иловайского о рязанской культуре и грамотности этого времени: «Что касается вообще до степени об-

разованности в Рязанском княжестве в последнюю эпоху его самостоятельности, то мы думаем, что в этом отношении оно немногим чем отстало от центральных Русских областей. ...К сожалению, у нас слишком мало данных, чтобы следить за успехами христианской проповеди на Рязанской Украине»¹. Думается, анализ некоторых особенностей развития рязанской книжной культуры этого времени может в какой-то степени помочь в решении вопроса, необходимость рассмотрения которого осознал автор «Истории Рязанского княжества», – малоизученность рязанской письменности и культуры в целом.

Наиболее вероятные политические и культурно-исторические условия развития рязанской культуры и, в частности, книжности заключались в следующем. В середине XV века книжно-рукописные традиции Рязани могли соприкоснуться с московскими традициями книжной культуры. Это было возможно в условиях, когда в 1456–1464 годах Рязань была занята наместниками московского князя, а в Москве на митрополичьем престоле пребывал бывший рязанский епископ Иона I (1448/9–1461)².

Древнейшей рукописью коллекции рукописных книг Рязанского музея-заповедника является написанное полууставом двух рук Евангелие тетр в 1°, 323 л. (РИАМЗ, КП-3642)³. Запись по листам 1–26 говорит о том, что в XVII веке книга принадлежала архиерейской казне, откуда при митрополите Рязанском и Муромском Иосифе (1674–1682)⁴ была отдана в архиерейскую вотчину село Троицкое – в Троицкую церковь. Вероятно, оттуда Евангелие попало в епархиальное Древлехранилище. Рукопись была датирована сотрудниками Древлехранилища XVI веком, основанием чему послужила вкладная запись 1552 года на листе 313 об.: «Лета 7000 шестидесятное октября 18 день приложил сие Еуангелие нарицаемое тетро в дом святых чудотворцев Козьмы и Домьяна внутри города Переяславля Рязанского Григорей поп Введения святей Богородицы. наречен в иноческом чину Герасим скимник по души своей и на память и по души отца своего священноинока Исакия и по души жены своея Акилины и детей своих...». Изучение филиграней (водяных знаков) позволило авторам обзора 1970-х годов Л.Н. Вдовиной, А.Г. Кузьмину, А.А. Севастьяновой установить, что основной текст (л. 1–304) написан на бумаге второй половины XV века⁵.

В начале 1990-х годов авторы описаний рязанских музейных рукописей Б.Н. Морозов, А.Д. Паскаль, А.А. Турилов уточнили датировку по филиграням и отнесли написание текста памятника к 60–70 годам XV века и к 1552 году. В книге имеются киноварные заголовки и инициалы, в том числе тонкие. В заголовках крупное декоративное письмо типа тонких инициалов, с элементами вязи. Переплет – доски в коже (типа тонкой ирхи), по краям досок желобки (XV век). Археографы соотносят оформление кодекса, особенно вид его заголовков и греческую запись писца на листе 289 об., «с лучшими образцами продукции великокняжеской рукописной мастерской 1480-х годов – знаменитой Буслаевской псалтырью и особенно Тверским евангелием». С последним памятником рязанский кодекс имеет «некоторое сходство и по почерку», но хронология несколько бо-

лее ранняя. Рязанское Евангелие «не получило по каким-то причинам полного оформления в виде заставок»⁶.

Буслаевская Псалтырь (в составе сборника РГБ, Троицкое собрание, № 308) имеет уникальную орнаментацию, местами не находящую аналогий в отечественном, западном и восточном искусстве⁷. Тверское Евангелие (Государственный архив Тверской области, ф. 1409, № 1553) написано мелким полууставом, с обилием выносных, лигатур, маргинальных приписок. «Его поля имеют мелкие приписки с элементами “погреченного” (если использовать определение Ф.И. Буслаева) и латинского письма... .. Пометы и исправления принадлежат писцу, почерк которого в этом случае приближается к усложненным вариантам письма Буслаевской псалтири и маргиналий других рукописей той же группы». Известно имя писца Тверского Евангелия, приписанное киноварью, – «Стефанище». «Можно думать, Стефан работал в той же великокняжеской мастерской. Его письмо профессионально»⁸. Наблюдение археографов о близости отличительных особенностей Рязанского Евангелия продукции одной из крупнейших русских книгописных мастерских последней четверти XV века дает основание для выдвижения гипотезы о знакомстве, несомненно, русского по происхождению писца с греческим языком и книжностью, может быть, с образцами профессиональной переводческой деятельности⁹.

Кроме того, в контексте возможных условий появления греческой записи писца в Евангелии Рязанского музея-заповедника могут представлять интерес текстологические наблюдения исследователей, обращенные к творчеству известного на Руси афонского книжника южнославянского происхождения Пахомия Логофета. Эти наблюдения определенным образом соотносятся со сведениями о другом книжном памятнике, к сожалению, неизвестном в современных книгохранилищах, который принадлежал в XVI веке рязанскому епископу Филофею (1562–1568/9)¹⁰. Изучая тексты служб святым Борису и Глебу, особо почитавшимся, попутно вспомним, в Рязанской (или Борисоглебской) епархии на протяжении длительного времени, Е.В. Антонова в рамках текстологического исследования пришла к выводу о роли известного книжника Пахомия Логофета в их редактировании¹¹. Пахомий Логофет (Серб) прибыл на Русь, в Новгород, с Афона в звании иеромонаха (ум. после 1484 г.). В 1440–1443 годах южнославянский книжник поселился в Троице-Сергиевом монастыре. Пахомий был переводчиком и писцом, составителем и редактором ряда житий, в том числе Житий Варлаама Хутынского, Алексея митрополита, Сергия Радонежского, Никона Радонежского, Кирилла Белозерского, а также похвальных слов, служб и канонов¹². По мнению А.А. Шахматова, авторство Хронографа 1442 года принадлежит также Пахомию¹³. Для В.О. Ключевского, подробно исследовавшего творчество Пахомия, вопрос о времени, месте и «поводе к написанию... обозначаемых именем Пахомия – повести о страдании черниговского кн. Михаила и его боярина Федора с службой на память их, похвального слова на Покров Богородицы и канона в службе свв. Борису и Глебу» остался неясен¹⁴. Автор дис-

сертационного исследования текстов служб святым Борису и Глебу Е.В. Антонова приходит к важному выводу: «Пахомий Логофет, выступая как автор и редактор, работал уже над несколькими княжескими службами: свв. Михаилу и Федору Черниговским, свв. Петру и Февронии и, как подтверждает исследование, свв. Борису и Глебу. Вполне возможно, что третья редакция службы св. Владимиру также возникла в результате работы Пахомия. ...дальнейшая история княжеских служб, отредактированных Пахомием, получает свое развитие в деятельности гимнографа XVI в. – Михаила, монаха Владимирского Рождественского монастыря»¹⁵. Данные Е.В. Антоновой о взаимодействии последований служб святым Владимиру и Борису и Глебу подтверждают наблюдения Б.А. Успенского: «Владимир объединяется с Борисом и Глебом по функции защитника и покровителя русской земли, и это прямо отражается на богослужении». В подтверждение своего мнения ученый ссылается, в том числе, на обнаруженный известным византинистом А.А. Дмитриевским среди рукописей бывшей библиотеки Соловецкого монастыря Устав XVI века, принадлежавший Филофею, епископу Рязанскому и Муромскому¹⁶.

Возможность знакомства рязанских книжников с творчеством Пахомия не исключена. Но в приведенном контексте, оказывается, наиболее существенным ее подтверждением может выступить другое текстологическое наблюдение, которое принадлежит Д.С. Лихачеву. Ученый обратил внимание на одну из стабильных особенностей состава рукописных сборников с рязанскими произведениями: «...в конвой цикла рязанских повестей о Николе Зараском входит Повесть об убиении Батыя Пахомия Логофета»¹⁷. В.О. Ключевский считал Повесть о Батые «приложенной» Пахомием к Сказанию о князе Михаиле Черниговском (созд. ранее 1473 г.)¹⁸. Таким образом, хотя учеными и не выявлены документальные свидетельства, указывающие на пребывание Пахомия Логофета в Рязани или на конкретную связь одного из этапов его творческой биографии с этой русской территорией, можно предполагать, что рязанские книгописцы могли быть как-то связаны с работой, либо знакомы с творчеством крупного книжника, трудившегося в свое время в известном монастырском книжном центре греко-славянского православного мира – на горе Афон. В свете приведенных наблюдений и предположений факт появления греческой записи писца в рукописном Евангелии XV века из Рязанского музея-заповедника, которое в отдельных элементах исполнения сопоставимо по уровню с прекрасными образцами продукции московского великокняжеского скриптория, не вызывает удивления.

Возможно, в оценке условий и степени развития рязанской книжной культуры XV века могут помочь рассуждения Ю.М. Лотмана о типологии культурного влияния Византии на Русь: «Типологические параллели убеждают, что интенсивное усвоение чужих текстов дает на следующем витке мощный выброс собственных в окружающее культурное пространство. ...самые резкие внешние текстовые вторжения в основном играют роль катализаторов... мы сознательно схематизировали, рассматривая лишь глобальные диалоги культур, между тем как реально действуют и част-

ные, в разных культурных сферах, аналогичные контакты, исключительно усложняющие общую картину»¹⁹. К существованию названной проблемы, независимо от того, действительно ли она затрагивает рязанскую книжную культуру в рассмотренном отношении, скорее всего, относится вопрос о региональных, общерусских связях рязанской книжности, с наибольшей четкостью выявленных для XVI века²⁰. Учитывая особенности развития Рязанского региона в конце XV – первой четверти XVI века, подчеркнем, что одно из возможных объяснений отмеченному феномену рязанской книжности XVI столетия, скорее всего, находится в плоскости концептуального знания. В таком случае его предпосылки могут быть успешно оценены, не исключено, именно с точки зрения проблемного построения Ю.М. Лотмана. При вовлечении этих предпосылок в рассмотренный контекст выводы ученого можно интерполировать, конечно, не без доли гипотетичности, на историю рязанской книжности именно XV века уже в связи с вероятным явлением-следствием – самоидентификацией рязанской книжно-рукописной традиции в XVI веке.

В музее хранится другая рукопись, относящаяся к концу XV века. Это Пролог на март – август, 2°, 364 л. (РИАМЗ, КП-5656). Интересна запись на листе 364 об. беглым полууставом XV – XVI веков: «Сее прилоги даны по подключнике великаго князя, по Иеве по Сухом». Бумага с филигранью: большая рука с манжетой под шестиконечной звездой (цветком? – авт.), типа Брике, № 11162 (1487 г.). По содержанию текст отнесен археографами ко второй пространной редакции Пролога, с похвальными словами в качестве дополнений. Рукопись орнаментирована. На первом листе имеется прямоугольная заставка (шириной в один столбец) и инициал – «оба балканского стиля». Заставка акварельная, рисунок выполнен пером и кинovarью. На листе 207 помещена заставка-концовка (разделитель во II столбце) – кинovarный «зигзаг» с чернильными точками. Тонкие инициалы кинovarью с орнаментальными отростками растительных форм и без них. В заголовках месячных разделов кинovarная вязь. Переплет рукописи – доски в коже, с тиснением, в клеймах которых имеются изображения фантастических животных. Плохая сохранность рукописи требует комплексной реставрации. По листам 1–19, 21–28, 30 читается подстрочная запись скорописью второй половины XVII века: «Сия книга Переславы Рязанского соборные и апостольские (!) церкви Успение (!) [пометы в тексте описания – Д.Г.] Пречистые Богородицы. Подписал по указу преосвященного Павла, митрополита Рязанского и Муромского, духовного (пропущено: “приказу”? – авт.) подъячей Никита Алтухов, лета 7191 (1682), ноября в 1 день»²¹. Ученые выражают мнение о том, что запись полууставом XV – XVI веков «близка по времени написания рукописи и во всяком случае сделана еще до ликвидации независимости Рязанского княжества (1516–1520 гг.)»²².

Ко времени конца XV – начала XVI веков в истории рязанской книжности относятся факты, действительно свидетельствующие о книгописной деятельности в регионе. Рязанский книжник дьякон Моисей в 1509 году занимался перепиской, судя по всему, целого комплекта Минеи, которая

позднее оказалась в книгохранительной Троице-Сергиева монастыря²³. По сведениям А.И. Пискарева, на рукописном Октоихе «перваго гласа» запись 1516 (?) года сохранила для нас имя другого рязанского писца дьяка Федора: «Лета 7024 (? – Д.Г.) сия книга, глаголемая Охтай, писана бысть въ Резани по благословенью Протаса, епископа Резанскаго и Муромскаго, дьяком Федькою Иевлевымъ»²⁴. Отнесение рукописного Пролога из музейной коллекции к рязанской книжно-рукописной традиции вполне возможно, поскольку в рассматриваемое время местная традиция книжной культуры, судя по всему, получила дальнейшее развитие. Этот вопрос, видимо, соотносим с другим, более широким вопросом – об отношении епископа Рязанского и Муромского Протасия (1496 – 1516)²⁵ к «делу» Серапиона, архиепископа Новгородского, и оставлении им рязанской кафедры незадолго до присоединения Рязанского княжества к Москве.

Итак, от XV века в коллекции музея-заповедника сохранилось лишь несколько кодексов, которые, наиболее вероятно, могут быть отнесены к рязанской рукописной традиции. Однако незначительное количество сохранившихся в Рязанском музее древнейших рукописей совсем не обязательно свидетельствует о таком распространении книжной культуры в Рязани XV века. На наш взгляд, исключительно важно и показательно рассматривать эти памятники в контексте свидетельства второй половины XV века венецианца Иосафата Барбаро, который, проехав по территории Рязанского княжества, оставил такое замечание: «Жители здесь все христиане и исповедуют веру Греческую»²⁶. Это имеет прямое отношение к рязанской книжной культуре XV века, поскольку христианский образ жизни и православная литургия были основаны на душеполезной (четьей) и богослужебной книге. Поэтому рассмотренные в настоящей статье кодексы являются, судя по всему, лишь частью тех книжно-рукописных памятников, которые были созданы и бытовали в средневековой Рязани. Отнесение их к рязанской традиции не противоречит данным венецианца, то есть оно как минимум возможно. Предложенный анализ наблюдения И. Барбаро показателен и имеет смысл и в том случае, если учитывать, что во второй половине XV века, после падения Константинополя, соотечественники путешественника испытывали неслучайный интерес не только в целом к культурному наследию Византийской империи, но и к греческому православию, как известно, широко воспринятому на славянской почве. Богатая культурная традиция европейского гуманизма XIV–XV веков характеризовалась, в том числе, «интересом к греческим манускриптам...»²⁷.

Одним из самых интересных рязанских книжных памятников является Псалтырь с воследованием (следованная) конца XV–XVI века, в 2°, на 548 л. (РИАМЗ, КП-5653). В орнаментике кодекса, среди прочих, присутствуют «чудовищные» (тератологические) мотивы. Книга известна свидетельствами о заложении Переяславля Рязанского в 1095 году у церкви св. Николы Старого, об исцелениях от иконы святого Николая после крупного сражения, произошедшего на озере в районе Переяславля Рязан-

ского, о рождении святителя, о явлении его образа в Рязанской земле²⁸. Эти любопытные записи, в том числе историко-литературного характера, помещенные в Псалтыри, привлекаются для изучения общерусского культа святого Николая Чудотворца в рязанской истории и культуре XVI–XVIII веков²⁹.

По бумаге рукопись делится на две части (древнейшая на листах 1–83 об. – конец XV века). Бумага приблизительно датируется археографами 1480-ми – 1560-ми годами³⁰. Составители «Научных описаний» подвергли книжный памятник подробному археографическому анализу, хотя и не решили все загадки этой рукописи. В древнейшей части Псалтыри они выделили как минимум три разных почерка конца XV века, а также, с определенной долей вероятности, почерк XVII века (л. 39–40 об.). Несколько почерков представляют полуустав XVI века (л. 84–546). Разновременные записи в рукописи дают возможность проследить длительное рязанское бытование памятника. На листах 1–21 читается запись скорописью XVII века, на листах 310–320 оставлено свидетельство XIX века: «Ле... 7187-го апреля в 17 день пожаловал... казны преосвященнии Иосиф митрополит рязанский и муромский в домовую свою вотчину... в церковь пресвятые Богородицы иконы Тихфенские»; «Из фундаментальной библиотеки Рязанской духовной семинарии». На первом листе имеется читательская запись почерком XVIII (?) – XIX веков: «Книга сия писана в 1570 году Ильинской церкви попом Маркою. Зри надпись во второй тетради от конца. Она любопытна». Речь идет, очевидно, о записи писца 1570 года полууставом на листе 524: «Дописана бысть книга Псалтыря следованьем рукою многогрешнаго ерея раба божия ильинскаго попа Марка. На память святого апостола Матфея. лето 7070 осмаго. Изволением отца свершением сына споспешением святого духа. молитвами пресвятыя богородица. и святых и славных апостол Иоанна Богослова. иже в святых отца нашего Николы Чудотворца стараго, написана сия книга псалтыря следованием при епископе Сергее богоспасаемых градов Резани и Мурома, замышлением многогрешнаго раба божия ильинскаго попа Марка. люботрудне края достигох о Христе кончана бысть книга. При державе благовернаго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. ...И аще будет где описался или не исправил или с другом беседа, или взрением ока. или недосежением ума. ...мене грешнаго бога ради не клените ...да мя земля не пожрет. яко Дофана и Авирона не послушавших Моисея. аз же помянух и размыслих. мужи они ветхаго закона»³¹. Внимательное прочтение этой записи, вышедшей в определенной культурно-исторической ситуации из-под пера одного из основных писцов этого неоднозначного книжного памятника и заключающей информацию духовно-нравственного содержания, действительно оставляет любопытное впечатление, раскрывает в ее авторе, ильинском священноиерее Марке, знающего книжника, своеобразно воспринимающего окружающий мир через призму книжной мудрости.

В Псалтыри на листе 546–546 об. имеются записи скорописью XVI века и полууставом конца (?) XVI века: соответственно о принадлежности кни-

ги рязанской церкви св. Николы Старого и с росписью правил чтения Псалтыри в великий пост и на страстной неделе. Ко второй записи имеется приписка писца-переплетчика книжного памятника священника церкви Николая Чудотворца Афанасия, тем же полууставным почерком: «А переплел и приписал и указ росписал как псалтырь в пост говорить николской поп Офонасеи...»; ниже запись 1595 года этим же (?) почерком: «лета 7103 го(да)». Из этих записей следует, что долго «строившаяся» Псалтырь стала целостным памятником местной книжности к концу XVI века в церкви св. Николы Старого.

Необычный характер художественного оформления Псалтыри не дал возможности археографам однозначно классифицировать все орнаментальные решения, четко разграничить стили. В ходе научного описания памятника в конце 1980-х – начале 1990-х годов перед учеными встали загадки как в содержании и записях, так и в кодикологии и палеографии памятника: «Данная рукопись представляет несколько загадок, решить которые трудно. 1) Абсолютно разная сохранность отдельных частей – такое впечатление, что л. 1–83 долгое время хранились отдельно (сильно обветшали). 2) С другой стороны, это не конволют, так как разрыва текста между л. 83 об. и 84 нет. В рукописи вообще немного утрат, если посмотреть на ее сохранность. 3) Если это Псалтырь с добавлениями кон[ца] XV в[ека], дополненная в XVI в[еке] до Псалтыри следованной, то почему не поставлены номера глав в первой части, вторая же часть (с л. 84) начинается главой 4-й (!) – библейскими песнями. И что в таком случае должно было быть главами 1–3-й, если все псалмы можно считать одной главой. 4) Система украшений в двух частях рукописи очень разная, но по своей искусственности и качеству – крайне близкая. 5) Откуда в рукописи эти обрывки столбцов, и как их текст соотносится с текстом записи кон[ца] XVI в[ека]. Откуда это взялось?»³². Вслед за рассмотрением настоящей рукописи археографами сделаем вывод и подчеркнем, что в отношении отмеченных содержательных и прочих особенностей Псалтырь является своеобразным, разноплановым и многоаспектным памятником рязанской книжности и письменной традиции. Часть записей, в том числе о событиях 1217 года (л. 312 об.), содержит, очевидно, уникальную историческую информацию, на что обращаем внимание вслед за А.Г. Кузьминым³³.

В орнаментальных украшениях рассматриваемой рукописи отмечены элементы неовизантийского, старовизантийского, балканского и тератологического стилей. Инициалы с тератологическими мотивами – в древнейшей части рукописи – имеют киноварный контур, с подкраской сине-зеленой, желтой и серой красками. Б.Н. Морозов, А.Д. Паскаль, А.А. Турилов зафиксировали здесь заглавные буквы, восходящие к старовизантийскому стилю (инициал «М» – человеческое лицо). В позднейшей части отмечены многочисленные тонкие киноварные инициалы и заголовки (вязь), заставка балканского стиля, плетеная, в красках (л. 149). Археографы оставили под вопросом принадлежность неовизантийскому стилю инициалов в красках, а также тонких киноварных инициалов и за-

головков на листах 3–10, 84–86 об. На полях листов 513 об. и 516 об. изображен восьмиконечный крест, киноварью написано: «Царь славы Исус Христос ника». Вероятно, эта выделенная приписка в Рязанской Псалтыри с воследованием конца XV–XVI века может отражать значительно более древнюю традицию, поскольку сходная надпись на одном из фрагментов штукатурки Борисоглебского собора Старой Рязани датируется в составе археологического комплекса находок с изображениями-граффити домонгольского временем: «На одном из обломков вырезан крест в круге, рядом шестиконечный крест на Голгофе и надпись “Иисус Христос Ника”»³⁴.

Образцы тератологического орнамента Псалтыри рассмотрены и проанализированы вместе с другими поздними примерами XV – XVI веков этого важного для рязанской книжности орнаментального канона, развивавшегося в местной традиции с домонгольского времени³⁵. Инициалы в древнейшей части рукописи конца XV века на листах 10 об.–22, 26–38, 41–83 об. (рис. 1) вполне можно отнести к тератологии, во всяком случае они стилистически близки заставке на листе 79 (она имеет киноварный контур и фон, подкраска сине-зеленой и желтой красками, вязь в заголовке), отнесенной археографами к тератологическому стилю³⁶. Несмотря на то, что в инициалах и заставке угадываются отдельные поздние черты стилизации «чудовищных» мотивов, интенсивная сине-зелено-желтая цветовая гамма, а также такая примечательная деталь украшения тератологического плетения, как точки или маленькие кружочки в обрамлении (именно в обрамлении они чаще встречаются в рамках заставок) в большинстве заглавных букв, находит вероятную аналогию в некоторых оригинально исполненных инициалах тератологического орнамента известной пергаменной рукописи – Псалтыри 1296 года (ГИМ, Синодальное собр., № 235). Этот памятник В.В. Стасов и вслед за ним А.Л. Монгайт, в отличие от других исследователей, относили к рязанской традиции³⁷. М.В. Щепкина считает, что в рукописи конца XIII века «формы заставок оригинальны и разнообразны... все они соединяют причудливых животных с цветами и листьями византийского стиля»³⁸. В заставке рассматриваемой Псалтыри конца XV века так же, собственно как и во многих других заставках «чудовищного» стиля, мотивы цветов и листьев близки византийскому стилю. Поэтому предварительно зафиксированные параллели, скорее всего, могут быть небезынтересны сразу в отношении обоих рукописных памятников, поскольку более ранний из них находит новые косвенные основания предложенной атрибуции, а рукопись РИАМЗ, в местном происхождении которой сомневаться оснований нет, тем самым обнаруживает преемственность с более ранними художественными принципами. В такой детали, как точки в обрамлении, определенно угадывается изобразительный прием, отличавший какую-то сложившуюся орнаментальную традицию, вероятно, сообщавший узнаваемость ее художественно-эстетическим аспектам и технике.

Любопытно, что орнаментация в виде кружков и полосы с рядами рельефных рубчиков на теле зверя известна в качестве изобразительного приема в трактовке зооморфных образов в украшениях кочевых народов

– восточный звериный стиль. В древних изделиях восточных регионов встречается еще и такая характерная манера, когда очертание пасти переходит в завиток, передающий ноздрю³⁹. Несмотря на то, что во многих инициалах древнейшей части Псалтыри конца XV века в основной части фантастического изображения встречаются главным образом формы птицы-дракона (например, заглавные буквы на л. 16, 17, 79 а, рис. 1.), примечательны головы, находящие аналогию почти исключительно с наземным хищником. В изображении пасти, как правило, нет намека на форму клюва, а стабильно присутствует разнообразно стилизованный завиток-ноздря, иногда даже напоминающий хоботок⁴⁰. Таким образом, предположительно имеются основания для выделения отдельных параллелей в мотивах поздней рязанской тератологии (примечательные детали орнамента известны и по некоторым более ранним рукописям в других региональных книжных традициях Руси) с изобразительными приемами искусства восточных кочевых народов, что могло иметь символический подтекст.

В некоторых инициалах древнейшей части Псалтыри конца XV–XVI века выявлено наличие в цветовой гамме тератологического плетения зеленой краски⁴¹. Возможно, это – рука другого книжника-орнаменталиста.

Но рязанских рукописей XV–XVI веков с поздними украшениями «чудовищного» стиля известно все же немного. То же можно сказать и о сходно орнаментированных памятниках XV века, относящихся к двум другим региональным книжно-рукописным традициям – новгородской и псковской (отличительной чертой псковской тератологии также является использование зеленого фона)⁴². Поэтому заслуживает пристального внимания тот факт, что в четырех резных картушах под окнами величественного Успенского собора Рязанского кремля, возведенного в конце XVII века, имеется повторяющийся фантастический мотив с птичьей личиной (голова грифона). В нем клюв имеет тенденцию перехода в хоботок, заплетающийся в ветви-стебли⁴³. Важны наблюдения Г.К. Вагнера о книжных мотивах рязанской белокаменной резьбы XVII века и художественных принципах ее создателей: «Конечно, у них были альбомы прорисей орнамента лучших построек и произведений прикладного искусства, а также наборы орнаментов из различных книг. К книжному орнаменту ближе всего гирлянды под окнами. Несомненно, мастерами в процессе резьбы создавались и новые композиции или старые мотивы варьировались в новом духе»⁴⁴. Видимо, с приведенным тезисом может определенным образом соотноситься и другое наблюдение Г.К. Вагнера, когда в контексте изображений людей в редком сочетании с грифоном и человеко-драконами на серебряном наруче XII века со Старой Рязани ученый говорит о развитии местной традиции «орнаментальных усложнений», судя по всему, в позднем книжном орнаменте: «...в более позднем рязанском орнаменте (XV–XVI вв.) отмеченная черта разовьется особенно полно»⁴⁵. Несмотря на то, что элементы тератологии встречаются в XVII веке в украинских и белорусских печатных книгах⁴⁶, весьма вероятно то, что в белокаменной резьбе XVII века могли получить новое возрождение известные мотивы

рязанской тератологии, тем более, что изображения фантастических птиц и человеко-птиц представлены в изысканном памятнике рязанского книжного искусства – Евангелии первой половины XVI века, принадлежавшем рязанскому епископу Ионе II (1522–1547/8)⁴⁷ и хранящемся во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике (№ В-1782)⁴⁸. Приведенное сопоставление соответствует современным оценкам завершающего периода истории древнерусского зодчества: «... в самобытной русской культуре конца XVII века, в том числе и в зодчестве этого времени элементы иноземных влияний тесно переплетаются с проявлениями конвергенции, то есть общности результатов независимого развития на сходных его стадиях»⁴⁹. Поэтому небезосновательно заключение, что местные рукописи с тератологическим орнаментом могли сохраниться в Рязани, может быть, частично как минимум до конца XVII столетия.

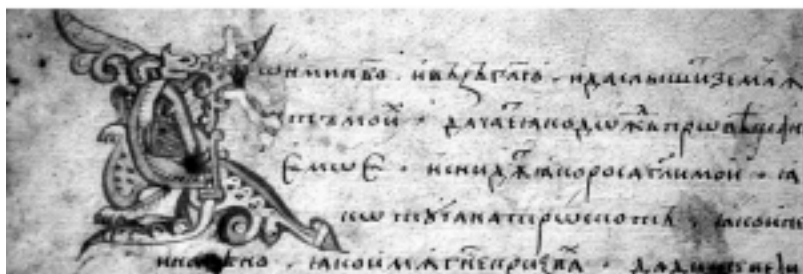
С другой стороны, может представлять интерес и тот факт, что на золоченой чаше из Рязанского архиерейского дома, которую украсили фантастическим орнаментом, К.Н. Любарским была зафиксирована надпись, имеющая, видимо, отношение к рязанской книжно-рукописной традиции и приоткрывающая малоизвестную страницу ее истории: «Глухому гуслия, слепому зеркало, тако же и безумному книжная премудрость»⁵⁰. Это свидетельство, учитывая фрагментарность наследия рязанской книжности, ни в коем случае не является, по нашему мнению, ни фиксацией частного или малозначительного бытового случая, ни простой нравоучительной сентенцией, не предполагающей исторической привязки-первоосновы. Поэтому оно еще раз показывает необходимость учета в археографических и источниковедческих исследованиях указаний источников на возможные лакуны в книжно-рукописном и письменном наследии ушедших эпох, желательность выявления исторических, историко-культурных и иных факторов развития местных средневековых традиций книжности с целью дальнейшей реконструкции их исторического развития. Такая реконструкция должна способствовать более четкому пониманию необходимости специальных, в том числе филолого-текстологических и искусствоведческих исследований уже известных в науке и еще мало вовлеченных в научный оборот рукописных кодексов российских книгохранилищ с целью их атрибуции рязанской книжно-рукописной традиции. Надпись обнаруживает вероятные следы утрат, возможность ранней причинно-следственной детерминированности разрозненного состояния книжно-рукописного наследия средневековых русских областей, среди них рязанской традиции досталась, как можно догадываться, далеко не самая спокойная судьба.

В продолжение разговора об особенностях древнейшей части Псалтыри с воследованием отметим, что в графико-орфографической системе этой части рукописи (см. илл.) встречен как минимум один признак второго южнославянского влияния – употребление «юса большого» [Ж]. Интересно в этом смысле предварительное наблюдение М.Г. Гальченко об употреблении «юсов» в русских рукописях XVI века: «...возникло впечатление (пока я еще не могу его проверить), что в XVI в. “юсы” встреча-

ются в древнерусских рукописях чаще, чем в XV в. Похоже, что течение процесса [второго южнославянского влияния – Д.Г.] было не равномерно-поступательным, а волнообразным (что, кстати, выглядит очень правдоподобно)»⁵¹. Но примечательно и то, что в рязанском памятнике не встречен такой ранний признак второго южнославянского влияния, как запятая или точка с запятой. Вместо них, как в древнерусской письменности XI–XIV веков, употребляется точка на уровне середины высоты строки (хотя, как правило, уже к концу XIV века точка начинает ставиться внизу строки). Названный элемент, по сути, до сих пор слабо изученный исследователями, мог быть связан со стремлением писцов к архаизации письма. Либо он свидетельствует об оригинальной традиции книжного письма рязанских рукописей. К слову, точки на уровне середины высоты строки употребляются в упомянутом книжном памятнике с прекрасным тератологическим орнаментом – Евангелии первой половины XVI века рязанского епископа Ионы II.

К середине XVI столетия может быть отнесено Евангелие тетр, в 4°, 1 + 248 л., без начала и конца (РИАМЗ, КП-8433). В использованной при написании кодекса бумаге определена филигрань: перчатка [рука] с пятиконечной звездой над пальцами, типа приведенной в альбоме Лихачева, № 21 19 (1540 г.). Книга написана полууставом и орнаментирована. Она содержит киноварные заголовки, указатели чтений, инициалы, вязь (в заголовках предисловий, оглавлений и Евангелий). На листах 55, 103, 185 заставки, рисованные пером, – чернилами и киноварью, с раскраской коричневой, желтой и красной красками (л. 55 – неовизантийского стиля с элементами старопечатного; л. 103 – неовизантийского стиля, л. 185 – балканского стиля). На листах с заголовками присутствуют большие инициалы балканского орнамента, выполненные аналогичной техникой и красками. Археографы отметили запись по листам 3–4, 9–10, 15, 22, 29, 31, 33, 36 полууставом XVI века с утраченным началом: «...При цари (так! – авт.) великом князи Иване Вос(и)льевичи (так! – авт.) всяя Руси при епискупе Сергеее Резаньском и Муромском приложил сие Евангелъе святому Дмитрею в Острамъево по своеи души на память по сем»⁵². При владыке Сергии III, который занимал кафедру с 1569 по 1572 год⁵³, очевидно, продолжалось пополнение книгами церквей епархии, в первую очередь тех, где могло не достать тех или иных богослужебных книг.

Другое Евангелие тетр конца XVI века, 1°, 249 л. (РИАМЗ, КП-5655), произошло из села Путятино, откуда оно попало в Рязанское епархиальное Древлехранилище. Написанная полууставом рукопись имеет исправления на полях полууставом XVI века, переходящим в скоропись, и скорописью XVII века. Имеются вставные листы конца XVII века (полуустав с элементами скорописи). Рукописный кодекс украшен киноварными заголовками, имеются «уставные указания». Заголовки предисловий и Евангелий выполнены вязью. В рукописи встречаются тонкие большие и малые киноварные инициалы простого геометрического орнамента. На поле листа 214 киноварью нарисован крест-голгофа с традиционными надписями⁵⁴.

РИАМЗ. КП-5653. Псалтырь с воследованием. Древнейшая часть рукописи конца XV века. Инициалы «Н», «Б» и «К» в стиле поздней готологии. Л. 16, 17, 79 а (соответственно, сверху вниз).

XVI веком датируются две другие рязанские рукописи – Минеи служебные. Июльская Минея (РИАМЗ, КП-8634) орнаментирована: заголовки и мелкие инициалы киноварью. Содержится запись на листах 1–7 скорописью XVII века: «Из Казенного приказу подячеи Григорей Морозовъ лета ноября в I день»⁵⁵. Вторая Минея, в 4°, на 352 л. (РИАМЗ, КП-8750), объединяет общую и праздничную и, кроме того, содержит дополнительные статьи (без конца). Заставка на четвертом листе содержит киноварную рамку геометрического характера. Встречаются многочисленные мелкие киноварные инициалы. Заголовки службам выполнены киноварной вязью. Содержится владельческая запись XVII века (л. 15–23): «Сия книга Троицкого священника Григорья Роди»⁵⁶.

Список XVI века известного древнерусского Сборника поучений Иоанна Златоуста, 2°, 226 л. (РИАМЗ, КП-8937), содержит киноварные заголовки и инициалы (мелкие). Рукопись очень ветхая. Содержатся интересные читательские пометы типа «зри» русской и польской скорописью конца XVII века (л. 8 об, 112, 147 об., 151, 185 и другие). В 1954 году с настоящим списком четъего сборника ознакомилась заведующая Отделом рукописей ГИМ М.В. Щепкина (в рукопись вложен лист с кратким ее описанием от 20. XI. 1954 года). В отношении содержания современные археографы установили, что, по классификации Т.В. Черторицкой, данный список относится к краткой разновидности годового «Златоуста»⁵⁷. Книга содержит отрывки из произведений одного из наиболее почитаемых на Руси отцов церкви Иоанна Златоуста. В составе этого канонического сборника значительное место занимают поучения, приуроченные к будним дням триодного цикла. Сборник поучений Иоанна Златоуста близок триодному Торжественнику, но в отличие от него он посвящен праздникам не лунного, а солнечного цикла⁵⁸.

Может представлять интерес тот факт, что среди музейных рукописей XVI–XVII веков известен список Грамматики Псевдо-Дамаскина «О восьми частях слова» (РИАМЗ, КП-8536/107)⁵⁹. Это грамматическое сочинение, авторство которого восточнославянская книжно-рукописная традиция приписывает Иоанну Дамаскину, по мнению Ж.Л. Левшиной, «является первой и самой загадочной из всех славянских грамматик». В XVI веке к заголовку трактата (чуть ранее появилось указание на авторство Иоанна Дамаскина, то есть на греческий источник) было добавлено указание на автора славянского перевода Грамматики – Иоанна, экзарха Болгарского: «Оба имени появились в заглавии Грамматики, видимо, вследствие ее соседства в рукописях с произведениями этих авторов». Впервые имя экзарха Иоанна в заголовке грамматического сочинения зафиксировано в волоколамском списке, созданном рукой редактора Никоновской летописи, бывшего игумена Иосифо-Волоколамского монастыря митрополита Даниила – рязанца по происхождению⁶⁰. Б.М. Клосс обратил внимание на текстологическую связь этой рукописи (РГБ, Волоколамское собр., № 490), первая часть которой («О восьми частях») написана почерком митрополита Даниила, со списком Симеоновской летописи, ее писцом написана вторая часть этого сборника из бывшей волоко-

ламской библиотеки⁶¹. В связи с этим важен тот факт, что митрополит Даниил еще в начале 1520-х годов перевел на рязанскую епископскую кафедру архимандрита новгородского Юрьева монастыря Иону⁶², имевшего, предположительно, отношение к редактированию Симеоновской летописи⁶³. В настоящее время известно 69 списков грамматического сочинения (в большинстве из них содержится описание только четырех частей речи, чему ученые пока не нашли объяснения). Рязанский список Грамматики из библиотеки Василия Дашкова малоизвестен исследователям. Вполне возможно, что уже в Рязани второй четверти XVI века книжники могли познакомиться с названным сочинением, чему не противоречат показанные условия развития местной культуры и письменности этого времени.

Итак, большинство рассмотренных рукописей РИАМЗ XV–XVI веков являются памятниками литургического характера. На примере сохранившихся в Рязанском музее-заповеднике рукописных кодексов предпринята попытка выяснения важных исторических вех, определения значительных для рязанской книжности этого времени явлений, намечены некоторые новые пути анализа условий и признаков развития местной книжно-рукописной традиции. В вопросе выяснения особенностей книжной культуры региона исключительный интерес представляет Псалтырь с воследованием конца XV–XVI века, особенно древнейшая ее часть, которая в сопоставлении с данными различных источниковедческих и искусствоведческих дисциплин предстает оригинальным, многоаспектным памятником рязанской письменности, в той или иной степени показывающим возможность знакомства книжных мастеров со значительно более ранними и современными художественными и иными традициями – местными, в том числе домонгольского времени, с некоторыми отличительными элементами из византийского и восточного искусства, а также с позднейшими явлениями времени второго южнославянского влияния и, судя по всему, – с орнаментальными мотивами Северо-Западной Руси. Большинство проанализированных признаков может свидетельствовать о заметной открытости пространства рязанской книжной культуры, в частности, в конце XV – начале XVI века, а также о творческих импульсах и самостоятельном поиске в искусстве создания рукописной книги. Очевидно, приблизительно к середине XVI столетия рязанская книжность получила развитие в качественно новых условиях унификации местных культурных традиций и выработки принципов создания и распространения памятников книжной мудрости, представлявших уже общерусскую традицию книжной культуры периода окончательной централизации государства. Анализ культурно-исторических условий развития Рязанского края в XV–XVI веках показывает, что хранящиеся в музее-заповеднике немногочисленные рукописи этого времени, хотя и не всегда имеющие ранние атрибутирующие записи, могут рассматриваться в контексте истории рязанской книжности.

1. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. Репринт. изд. 1884 г. Рязань, 1990. С. 197.
2. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 209; Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820. С. 37, 43.
3. См.: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Научные описания коллекции рукописных книг. [Сост. Б. Н. Морозов, А. Д. Паскаль, А. А. Турилов.] (Далее – РИАМЗ. Научные описания...) [Рязань, 1989–1992]. Машинопись. Папка № 3. Л. 30–34.
4. Воздвиженский Т. Указ. соч. С. 168–169, 289; Макарий (Миролюбов Н. К.), архимандрит. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863. С. 116.
5. Вдовина Л. Н., Кузьмин А. Г., Севастьянова А. А. Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея // Археографический ежегодник за 1978 год (далее – АЕ). М., 1979. С. 179.
6. РИАМЗ. Научные описания... Папка № 3. Л. 33. Имеется указание на работу Г. В. Попова.
7. Попов Г. В. Новый памятник круга Буслаевской псалтири (из истории деятельности великокняжеской рукописной мастерской 1480-х годов) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 170.
8. Там же. С. 178.
9. Из разговора с хранителем книжных фондов Рязанского музея-заповедника Е. В. Шапиловой выяснилось, что совершенно предположительно, в связи с вопросом о наличии в рязанской рукописи греческой записи писца, может представлять некоторый интерес информация о рукописи последней четверти XV – начала XVI века (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 36/41), основная часть текста которой написана на греческом языке кириллицей книгописцем Тимофеем, вероятно, русским учеником известного переводчика доминиканца Вениамина (см.: Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. [Греческие рукописи в России]. М., 1977. С. 25–44).
10. Строев П. [М.] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 414; ср.: Воздвиженский Т. Указ. соч. С. 288; Макарий, архим. Указ. соч. С. 105.
11. Антонова Е. В. Службы свв. Борису и Глебу в книжности Древней Руси. Автореферат дис. ...канд. филол. наук. М., 1997. С. 1–16.
12. См.: Прохоров Г. М. Пахомий Логофет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть II. Л – Я. Л., 1989. С. 167–177.
13. Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 211.
14. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 108. Ученый указал список канона свв. Борису и Глебу «с именем автора» в сборнике Троице-Сергиевой лавры XV в. № 116, а также рукопись XVI в. № 646.
15. Антонова Е. В. Указ. соч. С. 16; мнение исследователей о том, что Пахомий Логофет был среди авторов текстов песнопений свв. Борису и Глебу, достаточно распространено – см., напр.: Серегина Н. С. Из истории певческих циклов Борису и Глебу // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. XLIII. Л., 1990. С. 289.
16. Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 43–44, 82–83.
17. Лихачев Д. С. Изучение состава сборников для выяснения истории текста произведения // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.–Л., 1962. С. 6.
18. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 108–109.
19. Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь (памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. 1937–1981 гг.). Сост. Т. Б. Князевская. Отв. ред. Г. К. Вагнер. М., 1989. С. 233, 235.
20. Подробнее о рязанских связях с крупными общерусскими книжными центрами см.: Губин Д. В. Опыт реконструкции связей в книжной культуре XVI века: Рязань, Иосифо-Волоколамский монастырь, Новгород // История дореволюционной России: мысль, события, люди. Сборник научных трудов кафедры древней и средневековой истории Отечества. [Вып. 2] / Ред. кол.: В. Н. Козляков, Н. Н. Репин (отв. ред.), А. А. Севастьянова. Рязань, 2003. С. 96–119.
21. Подробную роспись содержания см.: РИАМЗ. Научные описания... Папка № 15. Л. 1–50.
22. Вдовина Л. Н., Кузьмин А. Г., Севастьянова А. А. Указ. соч. С. 180.
23. Будовниц И. У. Указ. соч. С. 170; см.: [Иларий и Арсений]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 1–3. М., 1878–1879. №№ 483, 494, 524, 536, 547, 559, 580, 590.

24. Пискарев А.И. Собрание надписей с памятников рязанской старины. [Спб., 1856.] С. 5. Автору принадлежит наблюдение о том, что настоящая запись показывает ошибку Ростовского летописца, его свидетельством воспользовался Н.М. Карамзин, назвавший рязанского владыку Тарасием.

25. Строев П.[М.] Указ. соч. Стлб. 414; ср.: Воздвиженский Т. Указ. соч. С. 42, 287; Макарий, архим. Указ. соч. С. 105.

26. Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 177. С точки зрения представления о наблюдательных способностях И. Барбаро очень важно мнение специалиста по средневековым русско-итало-византийским связям Е.Ч. Скрыжинской о том, что в XV веке этот человек был «наиболее ярким примером купца и дипломата». Известно, что в течение 16 лет он занимался торговлей в Тане (на левом берегу древнего Танаиса – Дона, при впадении реки в Азовское море, совр. г. Азов), а уже умудренный опытом, в качестве венецианского посла, побывал в Персии с «труднейшим дипломатическим поручением своей республики» – Скрыжинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 218–219. Прим. 3; см., также: Она же. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. Кроме того, небезынтересно, что о зафиксированном свои путевые наблюдения на бумаге И. Барбаро упоминает известный американский ученый-ассириолог С.Г. Гордон в том месте, где речь идет о последовавших за Возрождением в век великих открытий все более частых посещениях Персии европейцами, об условиях пробуждения интереса к территориям, где на скалах сохранялись важные для позднейшей дешифровки древних письменных традиций надписи ахеменидских и более поздних персидских правителей – см.: Гордон С.Г. Забытые письмена. Открытие и дешифровка / Пер. с англ. Э.С. Русиновой; под общ. ред. М.А. Дандамаева; послесл. В.В. Емельянова. СПб., 2002. С. 65.

27. Синицына Н.В. Русские тексты о судьбе «греческих книг» после падения Константинополя // Византия и Русь. М., 1989. С. 239–240.

28. Вдовина Л.Н., Кузьмин А.Г., Севастьянова А.А. Указ. соч. С. 179–180. Прим. 19; Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома (подг., вступ. ст., comment. Б.Н. Морозова) // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 248. Прим. 8.

29. См.: Губин Д.В. Святой Николай Чудотворец и Рязанская земля: литературно-исторический образ // Зарайск. Т. 2: Проблемы и перспективы духовного и культурного развития. Сб. статей / Отв. сост. тома В.В. Насекин; ред. кол.: И.В. Владимиров (пред. кол.), Л.А. Глазнева, С.С. Ермолаев и др. М., 2002. С. 100–103.

30. РИАМЗ. Научные описания... Папка № 14. Л. 32.

31. См.: там же. Л. 32–35. Интересно, что в 1557 году тем же писцом Марком полууставом написан сборник избранных произведений Иоанна Златоуста «Маргарит» в рязанском соборе святых Бориса и Глеба – см.: Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Библиотека. № 14139.

32. РИАМЗ. Научные описания... Папка № 14. Л. 44.

33. См.: Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 149–150.

34. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М., 1995. С. 209.

35. См.: Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. М., 1980. С. 38; Губин Д.В. Поздние образцы чудовищного (тератологического) орнамента в рязанских рукописях XV–XVI вв. // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Сборник научных статей / Ред. кол.: В.Н. Козляков, Н.Н. Репин (отв. ред.), А.А. Севастьянова и др. Рязань, 2003. С. 178–193.

36. РИАМЗ. Научные описания... Папка № 14. Л. 32–33.

37. Стасов В.[В.] Славянский и восточный орнамент по рукописям древняго и новаго времени. [в 2-х ч.] [Часть 1.] Спб., 1884. С. 32; [Часть 2.] Спб., 1887. Л. 84; Монгайт А.Л. Старая Рязань. М., 1955. С. 187. К сожалению, в издании XIX в. воспроизведены главным образом заставки, хотя инициалы рукописи не менее интересны – подр. см.: Губин Д.В. Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв. Диссертация... канд. ист. наук. Рязань, 2004. С. 40. Прим. 16.

38. Щепкина М.В. Тератологический орнамент (по материалам собрания Отдела рукописей Гос. Исторического музея) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 227.

39. См.: Королькова Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // Археологический сборник. № 32 / Под общ. ред. акад. Б.Б. Пиотровского. СПб., 1995. С. 84–86.

40. Более или менее близкие завитки-хоботки имеются, например, в некоторых тератологических инициалах Зарайского Евангелия 1401 года, заставке и инициалах двух других Еван-

гелий начала XV века, а также некоторых инициалах Евангельских чтений конца XIV-начала XV века – см.: Вздорнов Г.И. Указ. соч. №№ 50, 53, 56, 64. Всем названным рукописям автор приписывает московское происхождение, что, судя по всему, небесспорно (использование тератологического орнамента, пусть это только начало XV в., свидетельствует не в пользу такой атрибуции), особенно в отношении Зарайского Евангелия (отдельным является вопрос о происхождении миниатюр рукописи 1401 г.).

41. РИАМЗ. КП-5653. Зеленая краска заметна в тератологических инициалах на л. 47 («Б», «П»), 55 об. («Б»), а также еще в нескольких художественно исполненных заглавных буквах после листа 79 (после которого сбой в пагинации).

42. См., напр.: Ильина Т.В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII–XV вв. Л., 1978. С. 81–83; Бобров А.Г., Черторицкая Т.В. К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Т. XLIII. Л., 1990. С. 353–354. Наиболее поздний пример псковской тератологии относится к 1470-м годам. Т.В. Ильина считает, что одной из отличительных черт псковской тератологии также является преобладание зеленого цвета, часто чередующегося с желтым, который присутствует не только в резничках, но и в фоне и контурах. Это сочетание зеленого и желтого цветов, по нашему мнению, может сближать рязанскую и псковскую орнаментальные традиции. В этом смысле нельзя не обратить внимание на предположение А.А. Покровского, которое разделяет Л.В. Столярова, о псковском происхождении основной части Псалтыри Марины 1296 года (в некоторых инициалах рукописи различимы оттенки зеленого цвета), точнее, территориальной отнесенности биографии упоминаемого в псковских летописях вероятного заказчика рукописи боярина Кюра Костинича – см.: Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 170–180; Она же. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 149–157. Но постановку вопроса о рязанско-псковских книжных связях без специального комплексного исследования с широким хронологическим охватом можно считать лишь сугубо предварительной. Вопрос с зеленым фоном рязанской и псковской тератологии, возможно, не столь однозначен, если учесть некоторые подобные факты XIV в. – отдельно сохранившийся лист с тератологической заставкой, имеющей четкий зеленый фон (О.С. Попова и Г.И. Вздорнов считают, что этот лист первоначально был первым листом памятки московского происхождения – Сийского Евангелия 1340 г.), а также малахитово-зеленый фон заставки и части инициалов галичских Евангельских чтений 1357 г. – см.: Вздорнов Г.И. Указ. соч. № 29 (доп.), 96.

43. См.: Вагнер Г.К. Рязань. М., 1971. Илл. № 42. Ср.: прим. 46 (далее).

44. Там же. С. 32.

45. Там же. С. 12.

46. См.: Зернова А.С. Типография Мамониной в Вильне (XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. Вып. 1. М., 1959. С. 214–215. Указано А.А. Туриловым.

47. Строев П.[М.] Указ. соч. Стлб. 413; ср.: Воздвиженский Т. Указ. соч. С. 43, 288; Макарий, архим. Указ. соч. С. 105, 120.

48. См.: Губин Д.В. Поздние образцы чудовищного (тератологического) орнамента... С. 185. Рис. 4. Примечательно расположение птиц рядом с нижними углами заставки на л. 236 в Евангелии Ионы Рязанского. Оно соответствует изображениям деревьев и веток в византийской традиции, а также в заставках неовизантийского стиля (в заставках Евангелия присутствует и распространенный мотив византийской ветки). В удлинённых головах фантастических животных в заставках на л. 149, 236, равно как и в общем художественном строе большинства заставок и части инициалов, очевидны восточные мотивы. Редкий для этой рукописи случай использования точек-кружочков с обрамлением в инициале «В» на л. 256 придает исключительную изысканность изображенному существу. Этот орнаментальный прием использован и при написании рамок тератологических заставок как в Евангелии, так и в Псалтыри с исследованием, что типично для многих заставок этого стиля. Т.В. Ильина не сомневается, что инициал «М» на л. 173 об. Евангелия епископа Ионы (Евангелие 1544 г. из Боголюбова монастыря) в виде рыбаков восходит к аналогичному инициалу на л. 275 об. в Псалтыри XIV в. (РНБ, собр. П. Фролова, № 2 – Ф. п. I.2). Орнаментацию Псалтыри исследовательница, несмотря на отсутствие признаков новгородского говора в языке рукописи, относит к новгородской традиции. Хотя и отмечен объективный факт, не позволяющий разрывать территориальную отнесенность текста и орнамента, – четкое соблюдение букв, полей, заставок, что предполагает совместную работу писца и иллюстратора. Поэтому нам представляется оправданным обратить особое внимание на то, что, помимо сходного редкого инициала в виде рыбаков, художественные решения инициалов двух рукописей еще в нескольких случаях (Евангелие, например, л. 172, 241; Псалтырь, соответственно, л. 291, 102 об. – см.: История русского искусства / Под ред. акад. И.Э. Грабаря. Т. II. М., 1954. С. 296–297) обнаруживают такое сходство, которое не оставляет

ничего другого, как предполагать либо рязанское происхождение Фроловской Псалтыри, либо прямое знакомство рязанских мастеров XVI века с орнаментальными особенностями этой рукописи, то есть ее более позднее рязанское бытование. В орнаменте обоих рукописных памятников фантастические изображения часто включают человеческие и человекоподобные лица. И, наконец, не менее важна и показательна следующая общая деталь в орнаментальных украшениях Фроловской Псалтыри и заставке Псалтыри с исследованием из Рязанского музея: имеются изображения фантастических существ, у которых клюв переходит в длинный ремень, похожий на хобот (маленькие ноздри-хоботки, как уже было сказано, присутствуют в изображениях многих инициалов Псалтыри с исследованием). Мотив клюва, переходящего в хобот, встречается и в более раннем Пантелеймоновом Евангелии, относимом к новгородскому кругу – см.: Ильина Т.В. Указ. соч. С. 67–69.

49. Микишатов М.Н. Некоторые проблемы изучения русской архитектуры конца XVII века // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П.А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.) СПб., 1996. С. 177.

50. ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 316. Л. 7.

51. Гальченко М.Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Т. I. М., 2001. С. 441.

52. Вдовина Л.Н., Кузьмин А.Г., Севастьянова А.А. Указ. соч. С. 180; РИАМЗ. Научные описания... Папка № 3. Л. 35.

53. Строев П.[М.] Указ. соч. Стлб. 414, ср.: Воздвиженский Т. Указ. соч. С. 288; Макарий, архим. Указ. соч. С. 105.

54. Вдовина Л.Н., Кузьмин А.Г., Севастьянова А.А. Указ. соч. С. 180; РИАМЗ. Научные описания... Папка № 13. Л. 45–48.

55. РИАМЗ. Научные описания... Папка № 6. Л. 94.

56. Там же. Папка № 9. Л. 16–18.

57. Там же. Папка № 12. Л. 77–84.

58. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Часть I. А – К. Л., 1988. С. 433; Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий / Сост. Е.Э. Гранстрем, О.В. Творогов, А. Валевичюс. СПб., 1998. С. 13–184. Рязанский список в каталоге не учтен.

59. РИАМЗ. Научные описания... Папка № 4. Л. 35–39; рукопись, в 4°, на 169 л., А.В. Селиванов датировал XVI веком, указав на сходные водяные знаки в альбоме Н.П. Лихачева, табл. 93–97, 1560-е гг. (см.: Селиванов А.В. Краткое описание рукописей, принадлежащих РУАК // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 год. Т. VII. Вып. 3. Рязань, 1893. № 13. С. 49). Однако современные археографы датируют настоящий список «Послания» святого Иоанна Дамаскина, его диалектику [с л. 15 об.] и сочинение «Философия любомудрия по словенскому толкуется языку. О философии» [с л. 24 об.] XVII веком, определяя почерк как полуустав одной руки (у А.В. Селиванова – «устав»). На л. 36 запись скорописью XVIII в.: «Из книг Василья Дашкова».

60. См.: Левшина Ж.Л. Славянское грамматическое сочинение «О восьми частях слова». (Археографический обзор) // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология / Сост. М.А. Шибав; науч. ред. Е.В. Крушельницкая. СПб., 1999. С. 66, 73; о рязанском происхождении митрополита Даниила – см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (кон. XV – XVI вв.). М., 1972. С. 164. Прим. 352; Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 103.

61. Клосс Б.М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х–30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи // Древнерусское искусство. Рукописная книга. [Сб. 1]. М., 1972. С. 324–325.

62. См.: Строев П.[М.] Указ. соч. Стлб. 414; Русский биографический словарь. СПб., 1897. [Т. 8.] Ибак – Ключарев. С. 319; Зимин А.А. Указ. соч. С. 285.

63. Подробнее см.: Губин Д.В. Источники по истории... С. 89–93.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	– Археографический ежегодник
ВПНРК	– Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат
ВХНРЦ	– Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря
ВЦИК	– Всесоюзный Центральный исполнительный комитет
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГИК	– Губернский исполнительный комитет
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГЛАВНАУКА	– Главное управление научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения
ГОРИСПОЛКОМ	– Городской исполнительный комитет
ГУБАДМОТДЕЛ	– Губернский административный отдел
ГУБИСПОЛКОМ	– Губернский исполнительный комитет
ГУБОНО	– Губернский отдел народного образования
ГЦМСИР	– Государственный Центральный музей современной истории России
КП	– Книга поступлений
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МНРХУ	– Московское научно-реставрационное художественное Управление
НА РИАМЗ	– Научный архив РИАМЗ
НАРКОМПРОС	– Народный комиссариат просвещения
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКП	– Народный комиссариат просвещения
НКЮ	– Народный комиссариат юстиции
НМЦ	– Научно-методический центр
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РНБ	– Российская национальная библиотека
РОХМ	– Рязанский областной художественный музей
РСНРПМ	– Рязанская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
РУАК	– Рязанская учёная архивная комиссия
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований

- РХД – Русское христианское движение
- СА – Советская археология
- Собр. Узак. – Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства (1918 г.)
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
- ФГУК – Федеральное Государственное учреждение культуры
- ЦНРПМ – Центральные научно-реставрационные проектные мастерские

СПИСОК АВТОРОВ

Алексеев Игорь Алексеевич, РИАМЗ, научный сотрудник отдела этнографии и древнерусского искусства, (0912) 27-60-71.

Алимова Наталья Александровна, РИАМЗ, старший научный сотрудник научно-методического отдела, (0912) 27-60-72.

Артемкина Зинаида Григорьевна, РИАМЗ, ученый секретарь, (0912) 27-60-72.

Буланкина Елена Владимировна, РИАМЗ, зав. экспозиционно-выставочным комплексом, (0912) 27-60-70.

Губин Дмитрий Вячеславович, РИАМЗ, зав. издательским отделом, кандидат исторических наук, (0912) 27-21-11.

Жолобов Владимир Викторович, РИАМЗ, старший научный сотрудник отдела этнографии и древнерусского искусства, (0912) 27-60-71.

Кречетова Ольга Сергеевна, РИАМЗ, зав. научно-методическим отделом, кандидат исторических наук, (0912) 27-60-72.

Кусова Ирина Гасановна, РИАМЗ, зав. отделом развития, кандидат исторических наук, (0912) 21-56-70.

Лошина Юлия Владимировна, РИАМЗ, научный сотрудник отдела фондов, (0912) 27-60-70.

Максакова Наталья Витальевна, РИАМЗ, старший научный сотрудник научно-методического отдела, (0912) 27-60-72.

Панкова Татьяна Михайловна, РИАМЗ, зав. отделом этнографии и древнерусского искусства, (0912) 27-60-71.

Романова Елена Ивановна, РИАМЗ, руководитель научно-методического центра, кандидат географических наук.

Самойлова Ирина Петровна, РИАМЗ, зав. научной библиотекой, (0912) 27-54-66.

Сахарова Оксана Михайловна, РИАМЗ, старший научный сотрудник отдела фондов, (0912) 27-60-70.

Урманов Михаил Станиславович, РИАМЗ, научный сотрудник отдела истории, (0912) 21-06-95.

Чумичева Елена Владимировна, РИАМЗ, научный сотрудник отдела фондов, (0912) 27-60-70.

Шапилова Елена Васильевна, РИАМЗ, старший научный сотрудник отдела фондов, (0912) 27-60-70.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ**Л.Д. Максимова**

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ	3
--	---

**МУЗЕЙ
И ЕГО КОЛЛЕКЦИИ****Ю.В. Лошина**

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА КУЛЬТУРЫ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ (по материалам погребения 110 Шатрищенского могильника)	9
---	---

Д.В. Губин

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ РИАМЗ XV–XVI ВЕКОВ И ВОПРОСЫ РЯЗАНСКОЙ КНИЖНОСТИ	16
--	----

О.М. Сахарова

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ XVII ВЕКА В СОБРАНИИ РИАМЗ	35
--	----

И.П. Самойлова

КНИГИ А.В. СЕЛИВАНОВА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	49
---	----

Е.В. Чумичева**Е.В. Шапилова**

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И ФОТОМАТЕРИАЛЫ А.В. СЕЛИВАНОВА (1851–1915) В ФОНДАХ РЯЗАНСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	59
--	----

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА**В.В. Жолобов**

ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ СВЯТЫХ БОРИСА И ГЛЕБА В МУРОМО-РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ В XII–XIII ВЕКАХ	71
--	----

М.С. Урманов

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ
РЯЗАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПЕРИОД ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ.
XV–XVII ВЕКА 79

И.Г. Кусова

ГАВРИИЛ РЮМИН
И ОСНОВАНИЕ ЛОЗАННСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 84

И.А. Алексеев

«СТАТЬ РУССКИМ...» 100

Т.М. Панкова

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА
РЯЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ 111

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО**О.С. Кречетова**

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА
(XIX – начало XX века) 129

Н.А. Алимова

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА 141

Н.В. Максакова

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ
РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ 159

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ****Е.И. Романова**

КОНЦЕПЦИЯ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ 176

З.Г. Артемкина

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕЗУЛЬТАТОВ МОНИТОРИНГА
В РАБОТЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА 183

К ЮБИЛЕЮ**Е.В. Буланкина**

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРНЕЦОВ 191

Список сокращений 203

Сведения об авторах 205

Научное издание

Труды
Рязанского
историко-архитектурного
музея-заповедника

Сборник научных статей
Выпуск 2

Макет, верстка: Е.М. Сахарова

Лицензия ЛП № 03296 от 20.11.00 г.
Объем 10,8 п. л. Тираж 500. Издательство РИАМЗ.
390000, Рязань, Кремль, 15. Тел.: (0912) 27 60 65.
Отпечатано в минитипографии РИАМЗ.